

Кикнадзе Д.Г.

**МАГИКО-МАНТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ОММЁДО
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ**
(по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.)

Аннотация. В V-VI вв. н.э., когда японцы активно перенимали континентальную китайскую культуру, они познакомились с искусством Инь и Ян (в пер. – Путь Темного и Светлого начал). В Японии этот симбиоз учений и представлений о природе и Вселенной получил название Оммёдо и вскоре снискал большую популярность и поддержку на государственном уровне. Гадания, календарные предписания, запреты и удаления играли важную роль в повседневной жизни аристократов. В статье пойдет речь как о явлении мстительных духов и способах их умилостивления, так и о ритуалах Оммёдо: гадании, распознавании вредоносной магии, обнаружении и избавлении от порчи. Автор проводит данное исследование по материалу памятника японской прозы жанра сэцува «Удзи сюи моногатари» («Рассказы, собранные в Удзи», XIII в.) и некоторым другим источникам.

Ключевые слова: средневековая Япония, эпоха Хэйан, религиозный даосизм, искусство Инь и Ян, Оммёдо, гадание, злые духи, экзорцизм, порча, Абэ-но Сэймэй.

К 794 г. в истории Японии произошли значительные перемены – во второй раз столица была перенесена из Нагаока в Хэйан-кё, столицу мира и спокойствия. Название новой столицы перекликалось с девизом правления императора и дало название всей эпохе, вплоть до 1185 г. С переносом столицы следовало поспешить, так как прежняя столица в 785 г. была осквернена убийством Фудзивара Танэцугу, успешного чиновника, которому было поручено обустройство города. Всего через год после основания Нагаока он был убит вследствие заговора представителями оппозиции, в число которых входил сын императора Конэн, принц Савара. Его, как сопричастного к этому преступлению, сослали на далекий остров Авадзи, где он и умер в молодом возрасте от голода. По представлениям тех времен считалось, что после смерти принц Савара превратился в злобного духа и стал доставлять много неприятностей обитателям новой столицы¹. Именно после этого случая столицу решено было в очередной раз перенести в более подходящее место, выбранное согласно канонам китайской геомантии. Город застраивался по плану столицы Чаньань династии Тан в Китае, и это неспроста – ведь японские правители целенаправленно заимствовали китайскую культуру, начиная от письменности, литературы, архитектуры, чиновничьего аппарата, заканчивая даосской философией и буддизмом. В эпоху Хэйан отношения с Китаем прекратились и все эти материковые заимствования стали переосмысливаться: что-то приживалось и становилось родным, а что-то отбрасывалось. Хэйанская эпоха известна правлением влиятельного клана Фудзивара, который имел право родства с императорским домом, становясь регентом при малолетнем внуке-императоре. Эта эпоха была действительно мирной, что и помогло ей

породить утонченную культуру – письменность на основе иероглифов и придворную литературу, довести до совершенства изящные искусства и эстетические категории «моно-аварэ». Заимствованные религии и философские концепции Китая и Индии получили широкое признание и в народе, в свою очередь образовав множество течений, культов и собственных представлений. В эпоху Хэйан активно шел процесс «доместикации» многих материковых заимствований, которые органично включались в опыт, накопленный японцами в предыдущий период.

К X в. в японском религиозном сознании уживались не только привычная ему вера в духов природы и предков, древние шаманские практики, но и относительно новая буддийская вера с ее обширным пантеоном, богатым письменным наследием, статуями, ритуалами и, наконец, непривычно важной в этой религии роли Человека как личности, индивидуума, чего никогда не было в исконно японском синтоизме. Наряду с этими верованиями, в VI в. японцы познакомились с магико-мантической практикой Оммёдо (яп. – 陰陽道, кит. – Путь Инь-Ян, рус. – «Путь Темного и Светлого начал»), уходящей корнями в религиозный даосизм и индийскую астрологию. Однозначно определить это явление довольно трудно, поскольку Оммёдо являет собой «комплекс представлений, верований и практик, связанных с космологией, составлением календарей, гаданием и интерпретацией предзнаменований, которые пришли в Японию вместе с китайской цивилизацией»².

Исследователь японских религий Байрон Эрхарт причисляет Путь Инь-Ян к религиозному даосизму, противопоставляя его философскому. Религиозный даосизм был представлен в Японии как раз в виде древней китайской космологической теории, включавшей в себя даосские практики долголетия, прикладную алхимию, магию и предсказания как отождествление самих себя с миром магии. В Японии же понятие «религиозный даосизм» обычно воспринимается в контексте Оммёдо³.

Как отмечает исследователь японского буддизма Н.Н. Трубникова, «хэйанское искусство «Инь и Ян» вобрало в себя элементы различных китайских традиций: календарного дела, медицины, военного дела, а также геомантии – искусства выбора благоприятных мест и направлений для различных действий»⁴.

И все же довольно трудно дать ёмкое описание этого учения и его огромной роли в жизни древних китайцев и народов-преемников. М. Гране в своем исследовании «Китайская мысль» объясняет принцип Инь и Ян идеей чередования, сменой холодного жарким, гармоничным движением явлений разных свойств. Однако все это теоретики Инь и Ян увязали с ритмичностью природных явлений, сменой времен года, а также с ритмической моделью жизненного уклада. Повседневная жизнь человека, отношения между мужчиной и женщиной, членами семьи, управление левой и правой сторонами, придворный этикет (подача блюд, подношение даров, церемониал), похоронный обряд, архитектура, изобразительное искусство – на все эти сферы учение о Светлом и Темном началах оказало огромное влияние⁵. Укоренившись в Китае, этот комплекс древних учений и наблюдений распространился в остальные страны Юго- и Дальневосточного регионов. В пору китайских материковых заимствований Япония не осталась равнодушной к учению Инь и Ян: мастера «Пути Инь и Ян» приглашались ко двору из корейского государства Пэкчэ уже с VI в., а во второй половине VII в. по распоряжению государя при дворе было создано ведомство Оммёрё – Палата Темного и Светлого начал. В обязанности чиновников нового ведомства входили гадание и геомантия, составление личных календарей, наблюдение за движением облаков и светилами, измерение времени⁶.

В Японии искусство Инь-Ян претерпело некоторую трансформацию под влиянием местных гадательных практик, уходящих корнями в японский

шаманизм, а также традиции толкования необычных явлений. Если, как пишет Н.Н. Трубникова, в Китае необычные явления принято было отождествлять с правлением императора, то в Японии необычные и дурные знамения напрямую соотносились с гневом «родных богов»⁷.

Чиновники ведомства Оммёре строго выполняли свои обязанности при дворе, а также обучали будущих знатоков искусства Инь и Ян. Однако были и мастера Оммёдо, называемые «оммёдзи», которые выполняли заказы зажиточных горожан на составление календарей, изгнание злых духов, гадания и прочих ритуалов, тем самым популяризируя свое мастерство.

Байрон Эрхарт считает, что большая заслуга в распространении Оммёдо принадлежит известным в ту пору гадалкам, которые оказывали населению самые разные религиозные услуги, стимулируя запрос на гадание⁸.

К немногим источникам по изучению Оммёдо в эпоху Хэйан относится «Удзи сюи моногатари» (яп. – 宇治拾遺物語 «Рассказы, собранные в Удзи») – письменный памятник XIII в. жанра «сэцува», который по традиции относят к второстепенному жанру буддийской литературы. Сам памятник выбрал в себя не только буддийские, но и светские сюжеты, среди которых можно встретить описания магических ритуалов Оммёдо.

Если буддийские истории «Рассказов, собранных в Удзи» занимают почти половину всего произведения, то сюжетов о ритуалах Оммёдо двенадцать. Из них четыре истории рассказывают о личности легендарного мастера Абэ Сэймэй, две посвящены запретам на направления и желательной перемене направления, еще две – посыльным духам «сикигами» и разоблачению колдовства, одна история повествует о составлении календаря, три – о различных видах гадания.

Эта сторона духовной жизни хэйанцев до сих пор не была предметом отдельного изучения. В работах отечественных востоковедов данная тема освещалась лишь в небольшой справочной статье про Ведомство Светлого и Темного начал в Приложении к «Повести о Гэндзи»⁹, подготовленной Т.Л. Соколовой-Делюсиной, в главах 13 и 22 совместного труда Н.Н. Трубниковой и А.С. Бачурина «История религий Японии»¹⁰, в научных статьях А.С. Бачурина¹¹, посвященных теме запретов на направления. В последние годы в отечественном японоведении наблюдается всплеск интереса к ритуалам Оммёдо. Отчасти это объясняется небывалой популярностью и заинтересованностью историей Оммёдо и личностью великого мастера-оммёдзи Абэ Сэймэй в самой Японии благодаря целой серии комиксов-манга и анимэ на данную тему¹². Многие японские историки и религиоведы вынесли на суд читателей ряд трудов как в виде серьезных научных исследований, так и богато иллюстрированных популярных справочных изданий.

Огромная популярность и признание ритуалов Оммёдо в эпоху Хэйан объясняются в основном их главной защитной функцией – ведь своевременное распознавание дурных знамений, правильное истолкование сна, ритуал гадания перед важным событием в жизни человека могли уберечь его от большого зла и смерти. Практика Оммёдо своей способностью наблюдать и управлять защитными силами природы стояла на страже государства, императорской фамилии и общества. Своевременным наблюдением за светилами и гаданием обнаруживались угрозы болезни и эпидемии, природные катаклизмы, пожары, всевозможные бедствия, а также порча, насланная гневным духом умершего предка или придворного чиновника, который умер насильственной смертью либо не был упокоен должным образом.

Безусловно, предписания и ритуалы Оммёдо жестко ограничивали деятельность чиновников: много дней в году были выделены в календаре как неблагоприятные, несчастливые или вовсе судьбоносные, когда под

страхом смерти нельзя было выходить из дома, показываться на глаза посторонним и даже разговаривать. То же самое касается и геомантии – гадания о благоприятной стороне света, когда речь шла о путешествии высшего сановника или придворного; возведению нового жилища или выносе тела покойника в правильном направлении. Особое место в японском варианте Пути Инь и Ян занимал экзорцизм – изгнание злого духа, вселившегося в человека. Причину и даже имя вселившегося духа можно было распознать гаданием, а затем изгнать его особым ритуалом.

Явление злобных духов было известно японцам издревле – в синтоизме и поныне существует практика во избежание порчи умилостивления духов предков или духов той местности, где проживает человек. Порча могла быть выражена в виде болезней или неблагоприятных природных явлений. Выявив гневающееся божество, проводили обряд умилостивления путем чтения сутр, подношений, обряда очищения и даже присвоения рангов и чинов¹³.

Американский исследователь Герберт Плютчоу пишет, что в японскую религиозную практику еще в древности проникли мистические представления о духах. Это тесно связано со страхом смерти и верой в то, что души умерших продолжают обитать вблизи своего земного жилища. Равно как и синтоистским божествам «ками», злым духам совершались регулярные ритуальные подношения. Сильна была и вера в то, что болезни, землетрясения, голод, мор и иные природные катаклизмы возникали только по вине не упокоенных должным образом духов. К таковым относили души людей, умерших неестественной смертью или в путешествии вдали от дома; вследствие придворных интриг, мести, зависти и ревности; неправильно проведенного ритуала захоронения тела или неучтывающего отношения к телу покойного. Любая жертва или несправедливо обиженный человек, умерший преждевременно и насильственной смертью, превращался в мстительного духа¹⁴.

Уже упоминался яркий пример проявления злобного духа принца Савара в столице Нагаока. Чтобы избежать порчи от злобного духа, столицу даже перенести было на новое место.

Подобные злые духи назывались «онрё», или «горё» (яп. – 御霊), мастера Оммёдо и тут демонстрировали свое умение выявлять и изгонять их. Любопытно, что в эпоху Хэйан врачевание носило мистический характер: ввиду устоявшегося представления об истинном корне внутренних болезней – порчи или вселившегося в больного человека злого духа, оно представляло собой ритуал экзорцизма и чтений сутр, что никак нельзя было бы назвать медициной. Безусловно, для лечения внешних повреждений, ран и порезов в арсенале лекаря были мази, травы, порошки, существовали методы лечения ваннами и прижиганиями, однако в случае, когда болезнь не проявлялась внешне, всему виной был злой дух. Отечественный японовед М.В. Грачев приводит отрывок из медицинского трактата «И син хо»: «если у больного внезапно расширяется сердце и раздувается живот, и при этом нет ни поноса, ни рвоты, значит, им овладел «злой дух»¹⁵.

Поэтому к такому «больному» в первую очередь вызывали мастера-оммёдзи или буддийского монаха для чтения сутр.

В рассказе о великом оммёдзи Сэймэе «Про пса регента и чудесную силу Сэймэя»¹⁶ речь как раз идет о смертоносной порче, насланной на регента Фудзивара Митинага одним старым магом по поручению Левого Министра князя Акимицу. Порчу своевременно обнаружил знаменитый мастер Абэ Сэймэй при помощи гадания. Маг был наказан, а князь Акимицу после смерти превратился в злобного духа и насылал бедствия в окрестностях храма Ходзёдзи, куда любил хаживать регент. В исследовании Герберта Плютчоу степень таких бедствий объясняется происхождением человека, ставшего после своей смерти мстительным духом: «Чем

влиятельнее человек был при своей жизни, тем больше опасались его становления злым духом. Несомненно, в древней Японии больше боялись духов тех людей, которые занимали значимые политические и общественные позиции на протяжении своей жизни. Соответственно, никого так не страшились как духов покойных императоров, принцев, министров, знатных аристократов или же многочисленных жертв насилия и войны. <...> Если за короткое время – в войну или при других неестественных случаях – умирало много людей, то число смертей могло способствовать силам зла. Неупокоенный дух кого-нибудь из числа персон государственной важности, к примеру, министра, мог нанести значительные разрушения на государственном уровне, тогда как злобный дух крестьянина мог причинить вред лишь в определенном месте»¹⁷.

Как показывает сборник сэцува «Рассказы, собранные в Удзи», в Оммёдо помимо гадания, экзорцизма и защитных ритуалов, также существовали вредоносные и смертоносные ритуалы, которые проводили простые мастера, оказывающие различные услуги населению столицы. Зловредные ритуалы – проклятья, порча и некоторые смертоносные действия широко практиковались популярными в народе магами, а не чиновниками ведомства Оммёрё. По материалу сэцува эпохи Хэйан видно, как противопоставляются темные маги светлым силам придворных мастеров. Такие сборники сэцува как «Собрание стародавних повестей» и «Рассказы, собранные в Удзи» воспевают образ знаменитого придворного мастера Абэ Сэймэя, показывая исключительно лишь светлую сторону его деятельности при дворе.

Абэ Сэймэй являлся чиновником Ведомства Темного и светлого начал, обладал незаурядным даром гадателя и был незаменимым оммёдзи при Фудзивара Митинага вплоть до самой своей смерти в возрасте восьмидесяти пяти лет¹⁸. Известно, что после долгих лет деятельности при Ведомстве Сэймёю была пожалована должность в Управлении Левого части столицы и почетный 4-й ранг. Если Сэймэй часто упоминается в личных дневниках и произведениях выдающихся придворных аристократов как прозорливый маг и гадатель, то в придворных хрониках и дневниках некоторых чиновников (по придворной традиции того времени) он упоминается строго по занимаемой при дворе должности. Однако большую часть своей долгой жизни Абэ Сэймэй ведал делами Ведомства Темного и Светлого начал, и литература сэцува запечатлела его только в этом образе. В то время Сэймэй имел 5-й ранг, относился к привилегированному кругу высшей аристократии, состоял на службе самого Фудзивара Митинага, членов императорской фамилии и высших аристократов, никогда не выполняя заказы простых жителей столицы.

Однако несколько рассказов «Удзи сюи моногатари» дают нам информацию еще об одном провинциальном маге, прибывшем в столицу для того, чтобы соперничать с великим Сэймэем. Этот маг – Асия Доман – сыграл роковую роль в жизни Абэ Сэймэя: в столице Доман оказался лишь потому, что, наслышавшись о блестящих способностях мастера, решил открыто соперничать с ним, не сомневаясь в своих знаниях в сфере магии. При дворе по этому поводу был устроен поединок между двумя мастерами, в котором Доман потерпел поражение: подброшенный им камешек превращался в ласточку, но от малейшего прикосновения к птице круглого веера Сэймэя ласточка вновь обращалась в камешек; Доман также не смог заставить исчезнуть дракона, остановить дождь и превзойти Сэймэя в гадании. Потерпев неудачу, маг напросился в ученики к Абэ Сэймёю и стал жить под одной крышей с великим мастером. Вскоре по распоряжению императора Сэймэй отправился на учебу в Китай, где провел больше трех лет. За это время все домашние дела мастера были переданы им Доману, однако ученик не оправдал доверия своего учителя. Он совершил ряд преступлений: вошел в доверие к жене Сэймэя, затем доб-

рался и до записей с тайными магическими заклинаниями, известных лишь Сэймэю и трепетно оберегаемых им от чужих глаз. Воротившийся из Китая мастер обнаружил не только измену жены, но и то, что ученик завладел его тайными магическими письменами. Доман узнал о местонахождении этой тайной книги от жены своего учителя, скопировал ее для себя и, стало быть, освоил тайные магические обряды, наконец-то осуществив свою давнюю мечту сразить великого мастера. Как-то раз Доман ненароком произнес фразу или кодовое слово из тайного сочинения, и Сэймэй догадался о предательстве ученика. Для Абэ Сэймэя это действительно оказалось трагедией и великим поражением¹⁹.

В «Удзи сюи моногатари» содержатся истории о порче, наведенной на придворных аристократов ритуалом зловредной и смертоносной магии по заказу соперника. Навести порчу на человека можно было разными способами, однако наиболее часто можно встретить упоминание о бесплотных существах «сикигами», способных принимать различные формы. Оккультные духи «сикигами», или «сикидзин» (яп. 式神, 式人) – это духи-демоны, прислуживающие мастерам Оммёдо. Всего на службе Оммёдо, равно как и у самого Сэймэя, состояло двенадцать демонов, имена и функции которых известны, но в исследуемом памятнике по имени не названо ни одно такое бесплотное существо, поэтому мы не станем углубляться в подробности. Эти существа можно отождествить с двенадцатью якшами – защитниками тантрического буддизма, называемых «гохо додзи» (яп. – 護法童子, в пер. – мальчик-защитник Закона).

Любопытно, что их описание в более крупном памятнике сэцува «Собрание стародавних повестей» резко отличается от того, что нам дает материал «Рассказов, собранных в Удзи»: обычно это двенадцать прислужников эзотерического буддизма «гохо додзи». Как правило, мастера-оммёдзи посылали их для защиты конкретного человека, которого одолел злой дух, в отличие от «сикигами», которых можно было использовать и для вредоносных действий. Существа, описанные в «Рассказах, собранных в Удзи» – бесплотные духи, а то и бумажные фигурки, которых хозяин-маг может оживить, произнеся заклинание, и так же просто вернуть в прежнее состояние, скажем, превратив снова в цельный лист бумаги. Такие духи бывали верными и наиболее безопасными прислужниками. Нередко они могли выглядеть устрашающе, поэтому, чтобы не пугать людей, хозяева превращали их в мелких животных и даже людей. В отрывке из рассказа «Про пса регента и чудесную силу Сэймэя»²⁰ содержится информация как о порче, наведенной на самого Фудзивара Митинага, так и о гадании и духах:

«– На Вас наслана смертоносная порча – на дороге зарыт какой-то предмет. Если Вы переступите через него, случится ужасное. Собака – существо, наделенное божественной силой, вот она и хотела Вам сообщить об опасности.

– Где же этот предмет? Погадай и откопай его! – велел регент.

– С радостью, государь! – ответил Сэймэй и принялся гадать, а спустя какое-то время указал на определенное место.

Место разрыли, глянули, а там оказались две глиняные чаши, сложенные вместе и скрепленные крест-накрест желтой бумажной лентой. Когда их открыли, то внутри ничего не обнаружили, разве что на дне чаши киноварью был выведен знак «—»²¹. Сэймэй был чрезвычайно поражен:

– Кроме меня никто не знает тайны этого гадания! Неужели это проделки мастера Доман²²?! Сейчас все узнаем! – с этими словами он вынул из-за пазухи листок бумаги, сложил его в виде птицы, нашептал магическое заклинание и подбросил в воздух. В следующее мгновение бумажная фигурка превратилась в белую цаплю и улетела в южном направлении.

Сэймэй велел прислужнику бежать следом, чтобы узнать, куда приземлится птица. На пересечении линий Рокудзёбомон и Мадэнокодзи стоял ветхий дом, куда цапля, как бы падая, влетела в открытую створку двери. Хозяин того дома, старый гадатель, был тотчас же схвачен и доставлен ко двору»²³.

Для реконструкции внешнего вида бесплотных духов можно использовать такой немаловажный вид источников как изобразительное искусство. В данном случае это свиток «Летопись о рыдающем Фудо»²⁴, созданный в последующий период Камакура на основе истории из сборника «Собрание стародавних повестей», на которой изображен сам Сэймэй в окружении своих прислужников перед ритуальным столом с яствами. Содержание этого фрагмента свитка связано с историей о проведении спасительного ритуала изгнания хвори из больного. Двое «сикигами» изображены на свитке в виде маленьких чертей, но пятеро восседают перед жертвенным столом в облике безобразных полуптиц-полужверей, выступая скорее всего в роли защитников хворающих, если вспомнить, что каждый из двенадцати помощников обладал конкретными функциями и мощью²⁵.

Из исследований современных японских историков в области Оммёдо нам известно, что Сэймэй содержал своих двенадцать «сикигами» под мостом, поскольку своим ужасным внешним видом они пугали его жену. В данном случае речь идет вовсе не о бесплотных «сикигами», а о духах в человеческом образе, похожих на «гохо додзи» тантрического буддизма²⁶.

Из материала «Рассказов, собранных в Удзи» мы знаем, что бестелесные «сикигами» выполняли мелкие поручения Сэймэя по дому: опускали и поднимали бамбуковые шторы, когда это было необходимо, запирали ворота, могли передавать сообщения от хозяина адресату. В историческом сочинении «Великое зеркало»²⁷ содержится небольшой эпизод о том, как по расположению звезд Сэймэй узнал об отречении императора Кадзан и громко приказал слугам запрячь лошадей, а своим духам-прислужникам отправляться во дворец. В этот момент сам император со свитой проходил мимо усадьбы Абэ Сэймэй, расслышав не только это сообщение мастера, но и то, как кто-то невидимый открыл ворота и вслед уходящему императору доложил: «Как раз сейчас изволит миновать наш дом»²⁸.

Тем не менее было бы ошибкой считать эти существа послушными марионетками – в руках злонамеренных мастеров Оммёдо и колдунов они могли оборачиваться в птиц и зверей, вселяться в животных и управлять ими, наслав проклятье или убив человека на расстоянии.

Однако оккультная сторона Оммёдо была под силу лишь сильнейшим мастерам – ведь духи могли вселяться и в людей, даже нападать на самих оммёдзи, вырвавшись из-под их контроля. Наиболее сильные знатоки Оммёдо могли направлять чужих «сикигами» против их же хозяев, как это показано в рассказе «Про то, как Сэймэй изгонял беса из помощника Министра Охранного Ведомства»²⁹: «Давно еще, когда Сэймэй направлялся к караульному посту, он наблюдал, с какой помпезностью сопровождали придворных. Видел он и спускающегося с повозки молодого и блистательно начальника Левого гвардии – человека с поистине красивой внешностью. Но что такое – когда тот уже вошел в покои, над ним пролетела ворона, но то, как она его обгадила, увидел лишь Сэймэй:

– Эх, и к высшему свету принадлежит, и годами молод, и собою хорош. Не был ли он проклят?! Ведь эта ворона принадлежит к темным духам-сикигами! – подумал он. Тогда Сэймэй, обладавший даром спасения людей, переданным ему еще с его предыдущих перерождений, пожелал, чтобы молодой человек жил и из благодарности к нему подошел к нему:

– Вы направляетесь к государю? Быть может, мои слова неуместны, но зачем Вы идете во дворец? Я вижу, что этот вечер для Вас будет не-

благоприятным. У меня есть дар предвидения, дарованный еще моей предыдущей жизнью. Ну, пойдете же! Я попытаюсь что-нибудь сделать.

Они стали усаживаться в экипаж, и тогда начальник Левой гвардии задрожал и молвил:

– Вот беда! Но раз уж так – помогите, пожалуйста!

Усевшись в повозку молодого господина, они отправились в его поместье.

Выезжали они в час Обезьяны, но за время пути наступила темнота. Сэймэй крепко его обнял и стал совершать обряд снятия дурного глаза. Кроме того, он не сомкнув глаз, всю ночь напролет читал молитву о даровании покровительства Будды. Обряд был проведен долгой осенней ночью со всем тщанием, а на рассвете в дверь постучали. Хозяин велел слугам узнать, кто пожаловал. Незванный гость оказался свояком начальника Левой гвардии, чиновником 5-го ранга, жившим в другом флигеле того же дома. Свояк весьма дорожил этим человеком как хорошим родственником, но так как при раздаче рангов 5-й ранг достался не ему, а зятю – от зависти стал презирать его. Более того – договорился с мастером Инь-Ян о совершении пагубного ритуала.

Итак, Сэймэй молился всю ночь, предвидя смерть начальника гвардии, а потому от мастера Инь-Ян, осуществлявшего смертоносный ритуал, был прислан слуга, доложивший громко следующее:

– Мастер молился о том, чтобы сердце господина остановилось, но из-за того, что он окреп благодаря Вашим амулетам, злой дух, вызванный для жертвы, внезапно воротился, и теперь умирает сам мастер. Сделайте же всё возможное, спасите его!

На то Сэймэй отвечал:

– Так слушай же! Раз вчерашней ночью я отослал порчу обратно, стало быть, суждено ему умереть точно так же.

С тем слугой он решил сопроводить своего прислужника для того, чтобы разузнать подробности, тогда же и узнали о смерти мастера.

Что до свояка, наставшего злой дух, говорят, что тесть его быстренько выпроводил. А Сэймэю же тесть со слезами и радостью воздал много почестей, его радости и благодарности не было предела. Поговаривали, что тот чиновник благодаря неизвестно кому дослужился до звания Дайнагона».

Исследователь практики Оммёдо Симура Кунихиро пишет, что мастер мог посылать прислуживающих ему духов на задание, но мог и попридержаться, не пользуясь ими. По его же мнению, в случае, когда их оставляли бездействовать, они могли проявить самостоятельность, насылая порчу и проклятья. На примере рассказа из сборника жанра «сэцува» «Продолжение бесед о делах древности»³⁰ автор показывает борьбу за чины и ранги при дворе при помощи «сикигами» – в рассказе про то, как Левый министр Нисимия Минамото Такаакира, возвращаясь во дворец, увидел на крыше трех высоченных «сикигами» ростом с бамбук. Они окликали его по имени, а когда молчали, то старались быть замеченными. Министр заподозрил неладное и спустя время случилась беда – он был резко понижен в должности. Это расценивали как козни со стороны представителей правящей ветви рода Фудзивара³¹.

В истории «Про то, как монах испытывал Сэймэя»³² также упоминаются злые духи-прислужники в образе детей лет десяти, которых привел с собой старый монах и будущий ученик Сэймэя по имени Асия Доман. Выразив свое почтение мастеру, он напрашивался в ученики, но прозорливый оммёдзи сразу же понял, что его искушают, так как дети показались ему странными на вид, да и зачем вдруг понадобилось старому монаху из далекой провинции напрашиваться в ученики к мастеру Оммёдо? Сэймэй отказался принять старца в тот день, но сотворил про себя особую молитву, и дети внезапно куда-то подевались. Перепуганный старик воротился и

стал повсюду искать пропавших детей и спрашивать о них у Сэймэя. Тот же рассердился такой проверке его мастерства, но, вняв просьбе, вернул детей-оборотней назад. Старец был чрезмерно рад волшебной силе мастера и от всего сердца просил позволения стать его учеником.

Вмешательство злых духов в жизнь человека в эпоху Хэйан, тем более сановника и придворных аристократов, весьма отрицательно сказывалось на придворной службе: в неблагоприятные дни в личном календаре каждого аристократа значилась необходимость удаления от скверны, тогда человек вешал табличку с этим словом на дверь или шторы жилища, крепил ее к шапке или шлейфу платья, полностью ограничив себя от внешнего мира. Такое удаление могло быть разным по степени, и кто-то все-таки позволял себе выезжать по делам или посещать храмовую службу. Однако бывали и строжайшие ограничения, когда под страхом смерти запрещалось показываться посторонним и заговаривать с ними: как порчу могли навести, увидев лицо и услышав голос жертвы, как то описано в отрывке из рассказа «Про Оцуки Москэ»³³: «Помимо того, что род Оцуки издавна занимал эти должности, Москэ сам по себе был человеком выдающихся способностей, в общении же утонченным и обходительным, хотя по-прежнему занимал 6-й ранг, что, однако, не мешало росту его авторитета в среде аристократов. Тем не менее среди таковых находились и злопыхатели, желавшие ему смерти.

Но вот в доме у Москэ было обнаружено божественное прорицание. Пригласили первого попавшегося мастера-оммэдзи, который составил календарь, обозначив самые опасные даты, что для Мороскэ означало необходимость крепко-накрепко запереть ворота в связи с вынужденным затворничеством. Не успел Москэ удалиться для очищения от скверны, как его заклятый враг каким-то образом уговорил этого же мага совершить смертоносный обряд, направленный на беднягу. Человек, который взялся за наведение порчи, рассуждал: «В пору удаления от скверны бывают особо строгие дни, и если нанести проклятье в такой день, мы непременно получим превосходный результат! Поступим так: поедем вместе с вами к дому жертвы, а вы сами подойдите к воротам. Конечно же, из-за дня удаления от скверны ворота буду заперты, но если позвать его по имени и он услышит ваш зов – проклятье будет нанесено и таким образом желаемое будет достигнуто».

Сказано – сделано: злоумышленник вместе с мастером-оммэдзи подъехали к дому Москэ и принялись неистово барабанить в ворота. Вышел слуга – кто, мол, тут изволит стучаться? Придворный был вынужден солгать: «Я приехал по неотложному делу. Хоть у хозяина особо строгий день удаления от скверны, приоткройте ворота и впустите меня, пожалуйста! Это чрезвычайно важно!». Слуга вернулся в дом с донесением – так, мол, и так. На это Москэ рассердился: «Такое просто невыносимо! Если он светский человек, то отчего же так мною пренебрегает?! Его ни за что нельзя впускать! Иди к нему, да поскорее!». В ответ гость снова заладил: «Раз никак нельзя открыть ворота, пусть хотя бы слегка отодвинет дверь и высунет голову, а я ему все лично и доложу!».

Вероятно, такая гибель Москэ была определена его кармой – он высунулся из двери, спрашивая незваного гостя, в чем дело. В это же время оммэдзи, услышав его голос и увидев его лицо, как только мог сотворил смертоносный обряд.

Придворный, вызвавший Москэ для важного разговора, заранее не обдумал свои слова как следует и стал нести чепуху: «Я явился к вам с донесением о том, что прямо сейчас отбываю в провинцию! Вы можете воротиться в дом». Москэ разозлился: «Ты вызвал меня ради этого ничемного донесения?! Воистину безмозглый человечиска!» – с этими словами он вернулся в дом, а вскоре у него разболелась голова. Три дня спустя Москэ скончался...

Потому и считается, что во время удаления не следует повышать голос и встречаться с незнакомыми путниками. Человек, возжелавший убить вас магическим ритуалом, может этим воспользоваться – вот что действительно ужасно! Кстати, ходят слухи, что тот аристократ, наставший порчу, попал в ужасную беду и умер.

Вот как говорили люди: «Неужели грех убийства человека при помощи колдовства возвращается к тебе самому? Какой ужас!».

Считалось, что причиной удаления мог стать и дурной сон, вовремя рассказанный толкователю снов – ведь и дурной сон воспринимался как зловредное влияние духов.

Вера в духов природы, местные божества и духов предков, их задабривание и почитание всегда были свойственны древним японцам. Буддизм добавил японцам представление о шестиступенчатом аде с его страшными обитателями. По словам патриарха школы Тэндай Дзиэн³⁴: «Буддийская вера и практика привнесли в Японию свои представления о злых духах и голодных существах, особенно, когда буддизм стал государственной религией Китая, японцы позаимствовали и этот буддийский аспект и наложили на свое собственное представление о страхе и злых духах»³⁵.

В завершение данной статьи уместно было бы привести оценку американского японоведа Г. Плютчоу: «Из-за жестокой истории и борьбы за военное лидерство в средние века люди были охвачены интересом к злым силам. Множественные ритуалы, некоторые на грандиозном уровне, были придуманы для умиротворения злых духов, и все японские религии – синтоизм, буддизм, Оммёдо и прочие – участвовали в этом. В средние века умиротворение злых духов приняло всеобъемлющий, народный уровень и необходимость»³⁶.

Библиографический список

- Бачурин А.С. Запреты на направления (катаими) в период Хэйан // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности РГГУ*. – Вып. XVI. История и культура традиционной Японии / под ред. И.С. Смирнова; отв. ред. А.Н. Мещеряков. – М.: РГГУ, 2008. – С. 59-97.
- Гране М. Китайская мысль. – М.: Республика, 2004. – 526 с.
- Грачев М.В. Медицина в Древней Японии // *Япония. Путь кисти и меча*. – 2003 (7). – № 3. – С. 4-13.
- Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи / пер. с древнеяп. Т.Л. Соколовой-Делюсиной. – Т. 2. – СПб.: Гиперион, 2001. – 752 с.
- О:кагами – Великое зеркало / пер. с древнеяп., исслед. и коммент. Е.М. Дьяконовой – СПб.: Гиперион, 2000. – 288 с.
- Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии. – М.: Наталис, 2009 – 559 с.
- Кунихиро Симура. Оммёдзи (Мастер-оммёдзи). – Токио, 2006.
- Сигэта Синъити. Оммёдзи рэцудэн (Биография мастера-оммёдзи). – Токио, 2000.
- Оммёдо-но хон (Книга Оммёдо) / Серия «Books Esoterica». – Вып. 6. – Токио, 1993.
- Удзи сюи моногатари (Рассказы, собранные в Удзи) / Серия «Нихон котэн бунгаку дзэнсю». – Т. 50. – Токио: Сёгаккан, 1996. – 566 с.
- Byron Earhart H. Japanese Religion. Unity and Diversity. – California: Wadsworth Publishing Company, 1982 – 272 с.
- Morris I. The world of the Shining Prince. Court Life in Japan. – Victoria: Penguin Books, 1969 – 348 с.
- Hartmut Rotermund O. Religions, croyances et traditions populaires du Japon. – P.: Maisonneuve & Larose, 2000. – 540 с.
- Plutschow H.E. Chaos and Cosmos. Ritual in early and medieval Japanese literature. – Leyden; N.Y.; Copenhagen; Köln: E.J. Brill, 1990. – 284 с.

-
- ¹ Morris I. The world of the Shining Prince. Court Life in Japan. – Victoria: Penguin Books, 1969. – P. 17-19.
- ² Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии. – М.: Наталис, 2009 – С. 174.
- ³ Byron Earhart H.. Japanese Religion. Unity and Diversity. – California: Wadsworth Publishing Company, 1982 – P. 55-56.
- ⁴ Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии... – С. 174-175.
- ⁵ См. Гране М. Китайская мысль. – М.: Республика, 2004 – 526 с.
- ⁶ Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии... – С. 181.
- ⁷ Там же. – С. 175.
- ⁸ Byron Earhart H. Japanese Religion. Unity and Diversity... – P. 57.
- ⁹ Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи / пер. с древнеяп. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. – Т. 2. – СПб.: Гиперион, 2001. – С. 588.
- ¹⁰ Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии... – С. 175-183, 273-281.
- ¹¹ Бачурин А.С. Запреты на направления (катаими) в период Хэйан / *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности РГГУ. – Вып. XV. История и культура традиционной Японии / под ред. И.С. Смирнова; отв. ред. А.Н. Мещеряков. – М.: РГГУ, 2008. – С. 59-97.
- ¹² Имеются в виду труды про Оммёдо, магические ритуалы тантрического буддизма, горных отшельников «ямабуси» и пр. в рамках популярной в Японии книжной серии «Books Esoterica, Токио. Кроме того, это комиксы-манга и ряд анимационных фильмов «анимэ» и кинофильмов про мастера Абэ Сэймэя.
- ¹³ Plutschow H.E. Chaos and Cosmos. Ritual in early and medieval Japanese literature. – Leyden, N.Y.; Copenhagen; Köln: E.J. Brill, 1990. – P. 203-204.
- ¹⁴ Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии... – С. 181.
- ¹⁵ Грачев М.В. Медицина в Древней Японии // Япония. Путь кисти и меча. – 2003 (7). – № 3. – С. 10.
- ¹⁶ Удзи сюи моногатар (Рассказы, собранные в Удзи) / Серия «Нихон котэн бунгаку дзэнсю». – Т. 50. – Токио: Сёгаккан, 1996. – С. 451-452.
- ¹⁷ Plutschow H.E. Chaos and Cosmos... – P. 204.
- ¹⁸ Год смерти – 2-й год эры Канко, т.е. 1005 г.
- ¹⁹ Сигэта Синъити. Оммёдзи. – Токио: Тюокоронсинся, 2006. – С. 16-18.
- ²⁰ Удзи сюи моногатари... – С. 451-452.
- ²¹ Иероглиф, обозначающий цифру «один».
- ²² Доман – ученик Сэймэя, соблазнивший его жену в отсутствие своего учителя, чтобы выкрасть тайный текст учения Оммёдо, впоследствии его и погубивший.
- ²³ Удзи сюи моногатари... – С. 450-451.
- ²⁴ Содержание свитка-эмакимоно (яп. – 泣き不動縁, Наки Фудо энги) тесно связано с почитанием сурового божества Фудо-мёо святилища Сёдзёкэин (яп. – 清浄華院) школы Дзёдо.
- ²⁵ Свиток «Наки Фудо энги». [официальный сайт храма Сёдзёкэинь, Япония]. URL: <http://jozan.jp/index.php?nakifudou> (Дата обращения 15.05.2012).
- ²⁶ Оммёдо-но хон (Книга про Оммёдо) / Серия «Books Esoterica. – Вып. 6. – Токио: Гаккэн, 1993. – С. 97.
- ²⁷ Речь идет о письменном памятнике прим. конца XI в. «О:кагами», яп. – 大鏡.
- ²⁸ О:кагами – Великое зеркало / пер. со старояп., исследование и комментарий Е.М. Дьяконовой – СПб.: Гиперион, 2000 – С. 48.
- ²⁹ Удзи сюи моногатари... – С. 83-85.
- ³⁰ Речь идет о сборнике сэцува «Дзокукодзидан» (яп. – 続古事談, 1219 г.).
- ³¹ Симура Кунихиро. Оммёдзи рэцудэн (Биография мастера-оммёдзи). – Токио: Гаккэн, 2000. – С. 9-11.
- ³² Удзи сюи моногатари... – С. 335-337.
- ³³ Там же. – С. 323-325.
- ³⁴ Годы жизни 1155-1225.
- ³⁵ Plutschow H.E. Chaos and Cosmos... – P. 206.
- ³⁶ Ibid. – P. 227.